

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'371

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ Д. ХАРМСА

© Лиана Ахметзянова

INTERPRETATION OF NUMBERS IN THE LANGUAGE OF D. KHARMS

Liana Akhmetzyanova

This article studies the category of number in the communicatively-pragmatic intent of fictional text, the relevant issue of modern linguistics. The object of our study is Daniil Kharms's poetic and prosaic texts, interpreted in terms of the avant-garde. The purpose of this work is to identify the features of use of the number in the linguistic-cognitive narrative of the writer. Within the framework of this article, the concepts of absurdity and alogism are integrated as two structural-stylistic units of the writer's discursive potential. As a result of the analysis, it can be argued that the number in D. Kharms's language system has a direct impact on the compatibility of linguistic elements both in terms of lexico-semantic coherence, and in terms of composition-structural modeling of the highest communicative unit of language - text. Thus, the main function of the number is the function of coherence. The cumulative (accumulative) principle is dominant in creating Kharms's text space: threading the same type of events, characters and standardizing structures, as a result, their complete or partial destruction in the end. The same thing happens to the numbers that are subject to oblivion and transformation. The violation of numerical correlations leads to the deformation both of the plot and the hero. It should be noted that the number descriptors in the language of Daniil Kharms form a special conceptosphere that represents the author's intentions.

Keywords: absurdity, number, numerical correlation, coherent function, illogical language, transformation.

Статья посвящена актуальной для современного языкознания проблеме изучения категории числа в коммуникативно-прагматической интенции художественного текста. Объектом рассмотрения стали поэтические и прозаические тексты писателя Даниила Хармса, которые необходимо интерпретировать в русле зауми авангарда. Цель работы – выявление особенностей употребления числа в лингво-когнитивной наррации писателя. В рамках данной статьи интегрируются понятия абсурд и алогизм как две структурно-стилистические единицы дискурсивного потенциала писателя. В результате проведенного анализа можно утверждать, что число в системе языка Д. Хармса оказывает непосредственное влияние на сочетаемость языковых элементов как с точки зрения лексико-семантической связности, так и в плане композиционно-структурного моделирования высшей коммуникативной единицы языка – текста. Так, основной функцией числа становится когерентная функция. Доминирующим принципом создания текстового пространства Хармса является кумулятивный (накопительный): нанизывание однотипных событий, персонажей, стандартизованность структурных конструкций и, как следствие, их полное или частичное разрушение в конце. Аналогичное происходит и с числами, которые подвергаются забыванию, трансформации. Нарушение числовой соотнесенности ведет к деформации сюжета и героя. Следует отметить, что числа-дескрипторы в языке Даниила Хармса образуют особую концептосферу, репрезентирующую авторские интенции.

Ключевые слова: абсурд, число, числовая соотнесенность, когерентная функция, алогичный язык, трансформация.

Даниил Хармс – писатель-экспериментатор XX века, произведениям которого свойственны установка на жанровый синкретизм, специфическая актантная структура и необычное сюжетное решение в русле авангардного течения. В художественных микротекстах мы находим не только

попытку автора выразить социально-политические реалии своего времени, но, прежде всего, предлагается понять разрушительный (по мнению автора) механизм стереотипности мышления и поведения, принимаемый обществом за образец. В связи с этим, анализируя художест-

венное пространство писателя, нельзя оставить без внимания основную категорию текстопорождения – абсурд, проявляющийся на всех языковых уровнях. Именно в абсурдной реализации образов-персонажей, ситуаций, структурно-семантической композиции текста писатель видел конструктивную возможность уйти от литературной стереотипности к истокам чистого слова, к слову, «очищенному от литературной шелухи» (из манифеста обэриутов): «Самым главным кажется мне не идея, не содержание, не форма и не туманное понятие „качества“, а нечто еще более туманное, непонятное рационалистическому уму: это чистота порядка. <...> Понятие „чистота порядка“ отсылает нас к идее космического порядка, в начале которого было Слово. В гносеологическом плане очевидна идея интуитивного постижения трансцендентной сущности мира, в эстетическом – идея эстетического идеала, художественной убедительности, „качества“ произведения (пусть даже построенного на алогизме)» [Ямпольский, с. 79]. Для Хармса создание текста было сродни общению с Богом, своеобразным сотрудничеством с ним, в результате которого рождался новый, «чистый» мир, мир со своим языком, «бесмысленным», доступным и понятным только Создателю мира и автору текста. Рождение нового, алогичного языка приводило, безусловно, к разрушению основ нормальной коммуникации, к появлению семантической и структурно-стилистической аномалии. В языковой сфере аномалия рассматривается как выразительное средство, проявляющее себя в разрушении определенной языковой или текстовой единицы на любом уровне: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, семантическом и др. [Ахметзянова, Гилазетдинова, с. 77].

Заметим, что Д. Хармс был человеком всесторонне развитым. Так, его увлечения философией, каббалистикой, нумерологией, религией, историей, математикой и другими областями знания, безусловно, нашли свое языковое выражение. Обратимся к рассмотрению категории числа в художественной практике Даниила Хармса.

Свои математические рассуждения он эксплицирует в нескольких философских трактатах о цифрах, в частности в таких, как «Измерение вещей», «О круге», «О времени, о пространстве, о существовании», «Понятие числа», «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса» и ряде других. Отметим, что Хармс очень серьезно относился к понятию числа. Числовой (количественной) оценке подвергаются не только персонажи (образы), но и события (действия).

Ключевым было число 4, видимо, появившееся под влиянием авторитетного для Хармса Ф. М. Достоевского, чьим творчеством он так увлекался, а также под влиянием религии и мифологии, в которых «четыре» обладает сакральным значением. Число 4 является образом статической целостности, идеально устойчивой структуры и фигурирует в мифопоэтике о сотворении Вселенной как геометрическая величина, проецирующая крест (символ существования), квадрат, стороны света и другие символы. Так, многие тексты Хармса явно или латентно (в метрических структурах) содержат указание на это числовое обозначение: «Четыре иллюстрации того, как новая идея огораживает¹ человека», «Гимн», «Математик и Андрей Семенович», «Сон», «Четвероногая ворона», «Воспоминания одного мудрого старика», «Охотники»; «Инкубаторный период» и мн. др.:

В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате. Больше я ничего не помню.

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора <...> [Хармс, т. 2, с. 112].

Число 4 вступает в релевантные отношения с числом 3, священным числом в христианской религии.

Математик (вынимая из головы шар)

Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.

Андрей Семенович
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.

Математик
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!

Андрей Семенович
Ну и не клади.
Ну и не клади.
Ну и не клади.

Математик:
Вот и не положу!

¹ Здесь и далее орфографические и пунктуационные неточности авторские (Д. Хармса).

Вот и не положу!
Вот и не положу! [Там же, с. 316]

Сюжетной «бессмыслице» подобных рассказов, построенных на чередующихся повторах однородных синтаксических конструкций, противостоит акцент на синтагматике – благодаря введению метрического пространственного смыслообраза. 3×4 – это универсальная мифологическая формула пространства, описывающая полноту мира-сферы [Злыднева, с. 239]. Тесное, замкнутое, давящее пространство хармсовского сюжета не дает возможности персонажу вырваться, убежать, освободиться, что в конечном счете приводит к постепенному исчезновению (посредством трансформаций, деления, гибели) как самого героя, так и пространства его существования. Реальность в представлении Хармса настолько жестока и абсурдна, что должна быть равноценна смерти в своей иррациональности [Akhmetzyanova, Gilazetdinova, с. 468].

Актуализация темы пространства и положения в пространстве происходит посредством повтора смежных лексико-семантических и синтаксических конструкций в дискурсе Хармса, которые указывают на их участие в создании когерентности текста, то есть выполнение когерентной (связующей) функции. Кроме того, эти повторы выполняют экспрессивную функцию как средство усиления, актуализации и гармонизации текста. В этом плане примечателен цикл «Случаи», представляющий собой соединение 30 маленьких текстов разного жанра – прозы, ритмической прозы, стихотворений и коротких сцен. Исследуя сюжетную составляющую микротекстов цикла, следует отметить полное отсутствие сюжета и циклический характер композиционного материала. Все случаи стилистически однородны. Так, мир предметов, персонажей и событий подвергается полной деструкции, обнуляется. Число 0 интерпретируется Хармсом как «единица опоры», начало всего, символизирует круг как начало и конец, бесконечность, замкнутость, эксплицирует пустоту или безвещественность как чистое пространство для восприятия смысла.

В стихотворении «Он и мельница» не только эксплицируется фонетическая игра с «о» и «у» (буква «о» графически схожа с числом 0), но также предмет-образ *мельница* приобретает дополнительные коннотации: в тексте два персонажа – он и мельница, которая играет роль женщины, персонифицируется; колесо мельницы – круг, ноль, символ бесконечности. Мельница обладает способностью делить на части, трансформировать, и этот процесс втягивает в себя все со-

ставляющие текста – звуки, буквы, слова, предложения, персонажи, события, значение:

Он:
Простите, где дорога в Клонки?
Мельница:
Не знаю.
Шум воды отбил мне память.
Он:
Я вижу путь железной конки.
Где остановка?
Мельница:
Под липой.
Там даже мой отец сломал себе ногу.
Он:
Вот ловко!
Мельница:
Ей-богу!
Он:
А ныне ваш отец здоров?
Мельница:
О да, он учит азбуке коров [Хармс, т. 1, с. 192]
(курсив наш – Л. А.).

Слово становится похожим на круг, на ноль. Слово дробится, исчезает в бесконечность, но в бесконечности всегда есть смысл. То есть разрушение – это для Хармса всегда нечто позитивное, это начало нового смысла.

В каждом «случае» безрамочная нарративная структура, нагромождение однородных синтагм, исчезновение героя, дезинтеграция пространства и времени приводят к обнулению смысла, к асемантизации и деструктуризации текста. Ярким примером обыгрывания числа 0 становится кольцевая композиция знаменитой пьесы «Елизавета Бам», в которой экспозиция и развязка с повторяющимся началом вызывают ощущение непрерывности, замкнутости, бесконечности, как и число 0.

В языковой системе Даниила Хармса важное место отводится числу 1. По его утверждению, единица обладает качеством неделимости, целостности (как человек, который не может быть поделен), бинарной оппозицией множественности, а также способностью делить и ограничивать. В этом заключается позитивное значение этого числа. В трактате «Сабля» уже сам предмет, вынесенный в заголовок, напоминает по форме число 1, кроме того, как сабля в силу своей физической характеристики обладает свойством деления предмета на части, так в тексте актуализируется дихотомия жизни человека, его анатомических особенностей:

Жизнь делится на рабочее и нерабочее время. Нерабочее время создаёт схемы – трубы. Рабочее время наполняет эти трубы. Работа в

виде ветра влетает в полую трубу. Труба поёт ленивым голосом. Мы слушаем вой труб. И наше тело вдруг легчает в красивый ветер переходит: мы вдруг становимся двойными: направо ручка – налево ручка, направо ножка – налево ножка, бока и уши и глаза и плечи нас граничат с остальными. Точно рифмы наши грани остриём блестят стальным [Хармс, т. 2, с. 278].

Символическим числом в лексической системе Хармса является число 6. Семантически обозначение 6 является символом границы, разделяющей «наш» естественный мир от «чужого», неизвестного мира. Так, например, в цикле «Случай» происходит накопление персонажей и ситуаций, непосредственно связанных с этим числом. В одноименном тексте «Случай» 6 персонажей: Орлов, Крылов, Спиридонов, Михайлов, Круглов, Перехрестов, с которыми случается что-то плохое. В тексте «Вываливающиеся старухи» поочередно вываливаются из окна 6 старух, после чего рассказчик-наблюдатель уходит. В «Сонете» подвергается забвению порядок счета после 6: персонажи помнят 1, 2, 3, 4, 5, 6, но следующую цифру забывают:

Но дойдя в счете до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних дальше следовало 7, по мнению других – 8. // Мы спорили бы очень долго, но, по счастью тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти [Там же, с. 310].

«Оптический обман» знакомит нас с Семёном Семеновичем, который упоминается 6 раз в 6 абзацах (тут проведем аналогию первых букв «о» в названии текста с числом 0); в рассказе «Машкин убил Кошкина» персонаж Кошкин совершает 6 действий в 6 абзацах относительно Машкина, после чего умирает, и т. д.

Несомненно, можно говорить об использовании Д. Хармсом и других, не менее значимых, чисел. Нами проделана попытка увидеть взаимосвязь необычных структурных и семантико-стилистических решений с включением, на наш взгляд, доминантных чисел в новаторскую художественную систему писателя. Композиционная цикличность, однотипность структур, автоматичность, отсутствие описательных признаков персонажей и внезапное разрушение, гибель – релевантные характеристики художественной практики Даниила Хармса. Число как важнейшую категорию наррации писателя, несомненно, следует интерпретировать как яркое маркированное средство со своей сюжетобразующей функцией в русле своеобразного понимания Хармсом мира. Число у Даниила Хармса не

предназначено лишь для счета, важно помнить о символической составляющей числовой категории со своим мифопоэтическим, сакральным, самостоятельным, глубоким смыслом.

Список литературы

Ахметзянова Л. М., Гилазетдинова Г. Х. Языковые аномалии в поэтических текстах А. Введенского и Д. Хармса (морфолого-синтаксический уровень) // Международная научная конференция «Грамматические исследования поэтического текста»: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 77–80.

Злыднева Н. В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М.: Индрик, 2008. 304 с.

Хармс Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Авиация превращений. СПб.: Азбука, 2000. 576 с.

Хармс Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Новая анатомия. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.

Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 384 с.

Akhmetzyanova L.M., Gilazetdinova G.Kh. Lexico-semantic and linguo-stylistical analysis of A. Vvedensky's and D. Kharms' art texts // XLinguae. 2018. Volume 11, Issue 2. Pp. 455–470. ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X.

References

Akhmetzyanova, L. M., Gilazetdinova, G. Kh. (2018). *Lexico-Semantic and Linguo-Stylistical Analysis of A. Vvedensky's and D. Kharms' Art Texts*. XLinguae. Volume 11, Issue 2, pp. 455–470. ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X. (In English)

Akhmetzyanova, L. M., Gilazetdinova, G. Kh. (2017). *Iazykovye anomalii v poeticheskikh tekstakh A. Vvedenskogo i D. Kharmsa (morfoloogo-sintaksicheskii uroven')* [Language Anomalies in the Poetic Texts of A. Vvedensky and D. Kharms (morphological-syntactic level)]. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Grammaticheskie issledovaniia poeticheskogo teksta"*: sb. nauch. tr. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, pp. 77–80. (In Russian)

Yampol'skii, M. B. (1998). *Bespamiatstvo kak istok (Chitaiia Kharmsa)* [Unconsciousness as a Source (Reading Kharms)]. 384 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Kharms, D. (2000). *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 1. Aviatziia prevrashchenii* [Collected Works: In Three Volumes. V. 1. Aviation of Transformations]. 576 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)

Kharms, D. (2000). *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 2. Novaia anatomiia* [Collected Works: In Three Volumes. V. 2. New Anatomy]. 416 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)

Zlydneva, N. V. (2008). *Izobrazhenie i slovo v ritorike russkoi kul'tury XX veka* [Image and Word in the Rhetoric of Russian Culture of the Twentieth Century]. 304 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2018
Поступила в редакцию 01.06.2018

Ахметзянова Лиана Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lianaorx@rambler.ru

Akhmetzyanova Liana Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lianaorx@rambler.ru